

Гу Чэн был удивлён. За столько лет Лу Цимин так и не обнаружил его особенность. Если бы он знал, то точно не стал бы скрывать это. Однако Гу Чэн не подозревал, что духовная сила Лу Цимина, хоть и казалась мягкой, была гораздо мощнее, чем ещё не пробудившаяся особая способность, сдерживаемая печатью. Каждый раз, когда духовная сила проникала внутрь, эта ничтожная способность покорно замирала, не подавая признаков активности. Именно поэтому Лу Цимин так и не смог обнаружить эту аномалию.

Теперь же, с одной стороны, больше не было сдерживающей духовной силы, а с другой — Гу Чэн сам призвал эту силу. Способность, скрытая в его теле, явно начала проявляться, и в его восприятии медленно просачивающаяся энергия несла в себе разрушительное желание. Это было знакомое чувство из его детства. Возможно, именно оно делало маленького Гу Чэна мрачным и вспыльчивым — последствия той силы, которые просто не успели проявиться более явно, так как на его пути встретился Лу Цимин.

В отличие от Гу Чэна, который чувствовал себя спокойно, окружающие его двое насторожились, ощутив слабые колебания, исходящие от пробуждающейся способности. Гу Хаотин, переживший период, когда Гу Чэн только родился, смотрел на сына с долей сложных эмоций, неосознанно ускоряя циркуляцию своей собственной способности. Хо Минсюань же, будучи одарённым с лечебными способностями, был более чувствителен к видам чужих способностей. Теперь же исходящая от Гу Чэна аура казалась ему зловещей и подавляющей.

Если только способность не имела ярко выраженного атрибута, другим было трудно понять, что именно происходит в теле одарённого, если тот сам не раскрывал свои способности. Гу Чэн явно не собирался объяснять. Постепенное пробуждение силы внутри него приносило опасное, но в то же время завораживающее чувство, от которого было трудно оторваться.

К счастью, Гу Чэн обладал сильной волей, и годы тренировок под руководством Лу Цимина дали свои плоды. Он считал, что лучше всего использовать эту силу в своих целях, но ни в коем случае не позволит ей поработить себя. Кажется, способность почувствовала властное намерение хозяина и, вместо того чтобы продолжать искушать и подчинять, стала более покорной. Печать также дала Гу Чэну достаточное время для адаптации.

Гу Чэн вздохнул с облегчением и открыл глаза:

— И что дальше?

Увидев, что сын успешно ощутил эту опасную силу, Гу Хаотин слегка помрачнел, подавив сложные чувства в душе, и произнёс:

— Ты можешь определить, какой атрибут у твоей силы?

Гу Чэн слегка улыбнулся и протянул руку в сторону одной из колонн. Та с видимой скоростью начала трескаться, пока в одно мгновение не превратилась в пыль.

Гу Хаотин слегка нахмурился. Возможно, это была способность управлять объектами. Хотя это выглядело впечатляюще, подобные способности не считались особенно высокоуровневыми и не представляли для него серьёзной угрозы.

Однако сын только что пробудил свою способность и уже смог её использовать, несмотря на печать. Это было уже достижение. Гу Хаотин не стал спешить с вопросами и просто сказал:

— Какие ощущения у тебя были, когда ты использовал способность?

Гу Чэн посмотрел на свою ладонь и опустил взгляд:

— После использования чувствую усталость.

Гу Хаотин кивнул:

— Это нормально. Печать всё ещё сдерживает твою способность, поэтому использование её требует больших усилий. Но когда ты достигнешь более высокого уровня владения, это пройдет. Сейчас я научу тебя контролировать свои эмоции. Для одарённых самое страшное — это потеря контроля над способностью. А первый признак потери контроля — это сильные эмоциональные колебания, которые приводят к произвольному использованию силы.

Слова Гу Хаотин не были пустыми угрозами. Существование одарённых было чудом, но оно не подчинялось никаким законам. Даже если оба родителя были одарёнными, их ребёнок мог оказаться обычным человеком. С другой стороны, среди обычных людей также могли рождаться дети с особыми способностями.

До пробуждения способности одарённые ничем не отличались от обычных людей, что создавало огромные трудности в их обнаружении. В такой густонаселённой стране, как Чжунчжоу, было просто невозможно проводить точный анализ каждого новорождённого с помощью специальных приборов. Если рядом с ребёнком находились одарённые, то в момент пробуждения они могли помочь, но если он рос среди обычных людей, это могло привести к серьёзным проблемам.

Внезапно обретенная сила легко могла сбить человека с пути. Большая часть дел, которые ежегодно рассматривала Ассоциация одарённых, были связаны с действиями только что пробудившихся людей, которые либо намеренно, либо случайно причиняли вред. В зависимости от ситуации Ассоциация принимала различные меры, вплоть до пожизненного заключения. Конечно, это не означало, что правительство Чжунчжоу жалело убивать. Этих людей оставляли в живых для исследований в лабораториях.

Если кто-то действительно попадал в исследовательский институт по той или иной причине, это было хуже смерти. Любой одарённый, вероятно, не испытывал бы симпатии к тем ужасным экспериментам. Именно поэтому Гу Хаотин так спешил вернуться и начать обучение сына. Он интуитивно чувствовал, что способность его сына была крайне опасной, и если её не контролировать, это могло привести к серьёзным последствиям.

Метод обучения Гу Хаотин был простым и грубым. Чтобы хорошо контролировать способность, нужно было полностью понять её природу. Никто не слышал о том, чтобы человек не мог использовать свои собственные руки и ноги. Теперь же Гу Хаотин требовал от Гу Чэна сделать свою способность такой же частью себя, как руки и ноги. Достичь этого было непросто, но если получится, способность станет величайшим помощником.

Даже несмотря на талант Гу Чэна и многолетнее влияние Тела Бога Грома, в начале обучения он совершал серьёзные ошибки. Например, он хотел просто поднять объект, но тот не только взлетел, но и взорвался. Это заставило Гу Чэна понять, что пока он не овладеет своей способностью полностью, использовать её бездумно нельзя, иначе последствия могут быть катастрофическими.

Гу Чэна начинало беспокоить то, что помимо управления объектами медленное пробуждение способности вызывало в нём желание в отношении окружающих. Да, желание, похожее на голод. Особенно когда он видел, как Гу Хаотин или Хо Минсюань использовали свои способности, у него возникало чувство, будто он хотел броситься на них и поглотить их

полностью.

Это не было иллюзией. Это было реальное желание, глубоко укоренившееся в его сознании. Казалось, что если он так поступит, его способность резко усилится. Это опасное искушение каждый раз заставляло Гу Чэна покрываться холодным потом. Даже не произнося этого вслух, он понимал, что его способность была не просто опасной.

Единственным утешением было то, что в присутствии обычных людей Гу Чэн не испытывал этого жадного желания. Возможно, его способность могла усиливаться, поглощая других одарённых. Гу Чэн начал подозревать это, одновременно беспокоясь, повлияет ли его способность на Лу Цимина. Ведь он не хотел постоянно думать о том, как бы поглотить своего лучшего друга.

Видимо, Гу Чэн слишком хорошо скрывал свои чувства, так как Гу Хаотин и Хо Минсюань не заметили ничего странного. Напротив, они восхищались его прогрессом. Хо Минсюань даже похлопал Гу Хаотин по плечу:

— Не зря он твой сын. Если так пойдёт и дальше, даже после снятия печати не нужно будет беспокоиться о потере контроля.

Гу Хаотин почувствовал гордость. Перед ним стоял его сын, и этот факт смягчил его сердце. Долгие годы жизни сделали его почти бесчувственным, и только в присутствии близких можно было увидеть проблески мягкости.

Конечно, Гу Хаотин не выражал эту гордость открыто. Он лишь становился строже, когда Гу Чэн допускал ошибки.

Хо Минсюань был поражён. Теперь он понимал, что Гу Хаотин в тренировках с подчинёнными был ещё мягок. Если бы он не знал об их родственной связи, то мог бы подумать, что Гу Хаотин специально мучает сына. Оставлять ребёнка голодным на три дня и три ночи, а затем использовать еду для контроля энергии — разве это научно?

— Ну зачем так строго? Всё-таки он ещё ребёнок.

<http://bllate.org/book/16350/1477894>